

ГЛАВА 1

Солнечный свет. Добрый и теплый, согревающий кожу сквозь камуфляжную сетку зеленых листьев, рябью скользящий по стенам маленькой комнаты, изгоняющий из души все печали и тревоги... Справедливый, он добирается до темных углов и закоулков, не терпит вранья и выводит лгунов на чистую воду. Его лучи иссушают, выжигают, превращают в черные угли. Нестерпимо яркий, вечный, дарящий жизнь и отнимающий ее, солнечный свет...

* * *

Летними вечерами перед закатом я обожаю сидеть на подоконнике, рассматривая балконы и окна серой панельной пятиэтажки напротив. Как только солнце спрячется за крышей, в квартирах загорится желтый свет, появятся люди, скрывающие свои уютные мирки за прозрачными занавесками. Люди, которые однажды нашли друг друга, создали крепкие нормальные семьи и засты-

ли в любви. Люди, чье время льется в фарфоровые чашки янтарным чаем из носиков заварочных чайников...

Мне нравится сочинять истории о каждом жильце и мечтать. Облекать прилетевшие из далеких пределов вселенной мысли в неровные стихи: что еще остается бледной моли Таньке Горюновой, которую все детство стригли «под горшок», «чтоб не подцепила вшей», которая донашивала за старшим братом вещи, пока они не стали явно жать в груди, которая вдоволь наедалась конфетами лишь раз в году, когда отцу выдавали на заводе новогодний подарок в шуршащем пакетике? Впрочем, отца и брата уже давно нет в живых.

За хлипкой фанерной дверью комнаты никак не кончится затяжная гулянка, устроенная матерью и ее собутыльниками. Сильнее кутаюсь в чужую серую толстовку и машинально накручиваю на палец смоляную прядь своих ведьминских волос: стоило мне открыто взбунтоваться против «горшка» — волосы за полгода отросли до поясицы, густые и блестящие.

— Танька! Выйди, покажись! Мать зовет! — глухо нудит отчим Валя и скребется в дверь. Прошлым летом мать зачем-то расписалась с этим пожилым алкоголиком.

Продолжая разглядывать чужой захламленный балкон, грубо и громко посылаю Валюшку по матери.

— У-ух! Отродье! Ведьма... — обиженно бурчит он и шаркает обратно на кухню, к товарищам.

Такая я и есть — ведьма. Длинная, худая, но, будто по закону подлости, с бюстом, который с восьмого класса будоражит умы мальчишек: они смотрели на него с вожделением, и хорошо, что открыто уделять мне внимание считалось постыдным. Это потом, с появлением Ви и ворохом общей с ней одежды, со мной уже не возбранялось флиртовать, и одноклассники честно пытались, но... Бр-р-р! Как вообще можно?

Я жду не этого. Я томлюсь от предчувствия той любви, в которой двое навечно застывают, как в янтаре — осколке солнца. Как это уже случилось с Ви.

Она-то подобного достойна.

Ви говорит, что самыми яркими воспоминаниями ее детства были визит Деда Мороза и Снегурочки в ту зиму, когда ей исполнился год, а еще — первый отдых с родителями на горнолыжном курорте, Барби, после которой коллекция наконец была собрана полностью, светящийся в темноте неоновый лак для ногтей.

Самым ярким воспоминанием моего детства был сгоревший пуховик, упавший с веревки над газовой плитой, и последующая пробежка в школу по утреннему морозу в тонком свитере. А еще — то, как я пару недель ходила по улице в белых фигурных коньках на шерстяной носок, потому что у старых ботинок, доставшихся в наследство от брата, вдруг отвалились подошвы.

Я не в обиде на жизнь, и себя мне не жалко — разве что совсем немножко: ведь все почти наладилось, как

только в квартиру этажом выше три года назад переехала Вика — Мальвина из сказки — и ее мама, тетя Анжела. Окончательно жизнь наладится, когда моя мама после стольких недель запоя снова «завяжет», как это обычно и происходит, и звон стаканов, хохот и вопли за фанерной дверью наконец на несколько месяцев стихнут.

Все будет хорошо, потому что мне всего шестнадцать, а на дворе лето — иначе и быть не может!.. И мы с Ви, в пух и прах разодетые и покрашенные, однажды вечером пойдем гулять по набережной, где встретим парня, который обратит внимание именно на меня, потому что я так жду, что и со мной случится что-то хорошее. Кто-то хороший.

Я верю в это всей душой. Я так на это надеюсь.

Вздыхаю, перестаю кусать окровавленную губу, перевожу взгляд с балконов на розовеющее над ржавыми антеннами небо и, захлебываясь от нахлынувших чувств, шепчу словно мантру:

Тихонько стороной проходят чьи-то дни.
Поблекло за окном... Не до любви, усни.
Уставшее тепло, озноб, твой сон во сне.
И время истекло, проснешься по весне.
Я буду тебя ждать под слоем паутин.
Стихи твои читать и знать — я не один.

ГЛАВА 2

Утром понурый Валюша оттирает с кухонного стола засохшие разводы пролитого пойла, сминает пластиковые бутылки и картонные коробки, складывает их в пакет. Туда же вытряхивает ошетинившуюся бычками пепельницу и заходитесь кашлем.

— Танька, твою мать! — подпрыгивает он при виде меня и тут же заводит свою привычную шарманку: — Тань, дай это... чирик. Мать вечером отдаст.

Я лишь улыбаюсь:

— Ага. Будто у меня он есть.

Прохожу мимо Вали, в надежде гремлю чугунными крышками грязных сковородок, скопившихся на старой двухконфорочной плите, но в них, кроме пригоревших остатков картошки, ничего. Живот предательски урчит. В «Полюсе», который когда-то выдали отцу на заводе в счет зарплаты, прям как на севере, пусто — даже спрятанную в морозилке курицу съели мамины собутельники. Я давно на такое не злюсь.

Спотыкаюсь о Валюшин мешок, выхожу из провонявшей сигаретным дымом и перегаром кухни в прохладную прихожую и направляюсь к двери.

Естественно, я иду к Ви. Куда же мне еще податься?

Три года назад я, как обычно, сидела на подоконнике и придумывала сотни разных жизней людям из дома напротив, когда во дворе остановились грузовая «ГАЗель» и блестящая черная легковушка. Я долго наблюдала за тем, как несколько здоровяков выгружали из крытого пыльного кузова красивую мебель и дорогую технику и скрывались в подъезде, тяжело топая мимо нашей разбитой двери на этаж выше. Разглядывала прекрасную молодую блондинку в светлом спортивном костюме с блестящими на солнце стразами. Смотрела на девочку, которая вышла вслед из машины, медленно прошаркала к скамейке, села на нее и безучастно уставилась в одну точку.

Девочка с прекрасными волнистыми голубыми волосами казалась Мальвиной из сказки. Она была в черно-синих полосатых гетрах, кедах, пышной юбочке, в растянутом полосатом свитере в тон. Глаза были густо подведены черным.

И у меня, тринадцатилетнего стриженного «под горшок» существа в джинсах и толстовке брата, вдруг перехватило дух от восхищения.

Потом я узнала, что девочку зовут Вика и ее родители развелись, что она на год старше меня и учится в гимназии в исторической части города. О новых жильцах болтали всякое, но я верила, что их появление здесь — знак свыше. И каждое утро, когда нахотеленная Вика обгоняла меня на выходе из подъезда, я долго смотрела ей вслед, еле сдерживаясь, чтобы не пойти за ней шаг в шаг и оказаться в ее волшебном мире.

Появление Ви ознаменовалось еще одним чудом — с того дня мама не пила. В «Полюсе» завелась еда, в шкафу — два новых девчачьих свитера, в дневнике на нужной строчке — родительская подпись. Мама устроилась на работу, исправно трудилась в две смены и даже обещала порадовать меня новогодним подарком. Порадовала.

В тот день в школе подводили итоги первого полугодия — в журнале напротив моей горемычной фамилии в ряд выстроились пятерки. Ученики старательно отмывали исписанные их матами парты, а я радостно неслась домой мимо витрин, в которых весело подмигивали гирлянды.

Домофон в сотый раз пропел и стих. Никто не отвечал. Холодно темнели окна на третьем. Я села на ту скамейку, где когда-то сидела Мальвина, и так же отрешенно уставилась вдаль. Мне хотелось сохранить безучастность, хотя мороз крепчал, а кроссовки бра-

та и его осенняя ветровка не грели. Вскоре онемели пальцы ног, руки, а джинсы прилипли к коленям. Безучастность действительно пришла — я закрыла глаза и заснула.

— Эй, мальчик! — прозвенел чей-то голос. — Что с тобой? Ты откуда? Как тебя зовут?

— Таня... — еле слышно ответила я и заметила удивление в широко распахнутых карих глазах, густо подведенных черным карандашом.

The title 'ГЛАВА 3' is centered within a stylized sunburst graphic. The sunburst consists of a semi-circle of short, radiating lines of varying lengths, with a horizontal line passing through the center of the semi-circle. The text 'ГЛАВА 3' is written in a bold, sans-serif font across the middle of the sunburst.

ГЛАВА 3

Э то был мой первый визит в квартиру номер тринадцать — и далеко не последний.

Меня потрясло, что ремонт смог преобразить квартиру с такой же как у нас планировкой в просторные светлые апартаменты. Удивила и тетя Анжела, ставившая ударение в своем имени на первом слоге — на вид ей было не больше двадцати пяти.

А дальше потрясения посыпались как из рога изобилия: комната Вики, увешанная плакатами, коллекция Барби на полках, сувениры, открытки и фотографии со всего света, груда яркой одежды на кровати, Jane Air*, орущие из телика свой хит «Hello»...

С тех пор мы постоянно тусовались вместе — я почти не застала мамин запой, потому что каждый день после школы мчалась в квартиру этажом выше.

Ви обожала канал *A-One*, а у меня не было кабельного. Она сооружала немислимые прически, а мой

* Jane Air — российская рок-группа. — *Здесь и далее, если не указано иначе, прим. ред.*

«горшок» не позволял этого сделать. Ви была очень яркой — я же носила уродливые вещи брата.

Однажды Ви накрасила меня и подвела к зеркалу, и я задохнулась от восторга, неверия и растерянности. Но вовремя поняла, что рядом с Ви даже я могу стать красивой.

С ней всегда было весело: я никогда не знала, что меня ожидает вечером. Будем ли мы красить ногти черным лаком и примерять у зеркала ее вещи, или она сотворит что-то мегакрутое из старых вещей тети Анжелы и использует меня в качестве модели? Или, выпив вишневого «Блейзера», станет царапать в ванной руки тупым лезвием и плакать — или же мы сорвем голоса, завывая «сентябрь горит»* и заливаясь хохотом...

Однажды Ви вручила мне ножницы и велела укоротить волосы на ее голубой макушке. Немного фантазии — и, к моему удивлению, вышла прикольная прическа. Так Ви предопределила мою судьбу на ближайший год: после девятого класса, несмотря на отличные результаты ГИА, я подала документы в профлицей, где отучилась уже целый курс на стилиста-парикмахера.

Ви мечтала о необычном, она витала там, откуда ко мне прилетали стихи. В ней всегда было что-то непостижимое, неуловимое — то, что притягивало и одновременно резало, как острое лезвие.

* Из песни «Сентябрь» российской группы Stigmata.

Отсутствие родительской любви сблизило нас: однажды Ви призналась, что после развода отец не интересуется ее жизнью. Эта боль не отпускала ее, я видела — и страдала вместе с ней.

Без Ви я бы не стала такой, какая есть.

Разве могло быть иначе? Ведь она — настоящее Солнце.

* * *

Хлопнув трухлявой грязной дверью, шаркая по лестнице наверх, попутно обнюхивая рукав черного платья Ви, которое идеально мне подошло. На мгновение моя вечная блаженная улыбка слетела с лица — впитавшиеся в ткань запахи алкоголя ударили в нос.

Ви встречает меня бурным, свойственным только ей восторгом, хватает за руку и тащит за собой в комнату — я едва успеваю поздороваться с тетей Анжелой, склонившейся над модным журналом.

Ви теперь не носит яркий макияж, а синяя краска давно смылась с золотых локонов. Ее огромные карие глаза сияют так, что впору зажмуриться — и вот я уже снова улыбаюсь.

— Что за вопли? Увидела живьем кого-то из этих? — Я указываю на оклеенные плакатами стены. — Или во всем виноват твой Че?

— Господи, Темка тут вообще ни при чем! — Ви картинно вздыхает. — Радость меня переполняет от-

того, что мама наконец разрешила мне уехать из этой грязной дыры!

— Что?

Ноги слабеют. Я осторожно опускаюсь на край кровати.

— Ты же помнишь, я отправила документы в несколько универов? Так вот, меня приняли на дизайн, и завтра я уезжаю.

— Но это же в тысячах километров отсюда! — На моих глазах идеальный мир теряет позолоту, тускнеет и съезживается. — Как ты будешь там жить?

— У папы сейчас бизнес в этом городе.

Ви осекается, резко поворачивается к шкафу и раскрывает зеркальные створки. Она хватает платье, юбки, блузки и сваливает их горой на кровать.

Мой талисман, моя удача, проводница в сказку — и уезжает. Она бросает меня. Я и предположить не могла, что это так скоро случится.

— Ви, а как же я? — шепчу онемевшими губами.

Чертов мир разрушается по кирпичику, но Ви будто не слышит и опустошает шкаф.

— Ви! — ору я. — А как же Че?!

И тут же затыкаюсь — я не должна повышать на нее голос.

Она поворачивается ко мне и на секунду застывает, делает шаг навстречу, прикладывает к моим плечам очередное красивое платье и вдруг улыбается:

Солнечные пятна

— Вот. Это тебе. Это все — тебе. — Она кивает на гору одежды, выросшую на кровати.

Мы смотрим друг на друга. Солнце и луна, свет и тьма, сила и слабость.

Я отвожу глаза первой и отступаю.

— Да не надо мне этого, Ви. Я пойду.

— Забирай! Тебе это нужно! — настаивает она, голос звенит.

— Обойдусь без твоего тряпья! Отвали! — рывкаю я и выбегаю из комнаты.

— Нет, ты его заберешь! — визжит Ви мне вслед.

Мир рухнул, пыль взвилась в воздух и оседает мне на плечи, лицо, забивается в легкие...

Я грохочу по гулким ступеням, пинаю дверь, пролетаю мимо напуганного Вали в комнату и закрываюсь на шпингалет.

— Вот ты снова на своем месте, Танька. — Залезаю на подоконник и прижимаюсь лбом к прохладному стеклу. — Как ты там говорила? В твоей жизни все скоро наладится? Найдется и еще кто-то хороший? Обломись! Ты потеряешь всех!

ГЛАВА 4

Мы всегда жили бедно, но весело: почти каждый вечер отец, вернувшись со смены, зазывал в гости дружков со всех окрестностей, и мать до глубокой ночи громко смеялась, мешая нам с братом спать.

Брат был на десять лет старше. Он собирался и уходил, иногда неделями не появлялся дома. Он хорошо учился, но школу так и не окончил — не успел: за два месяца до выпускных экзаменов попал под машину, когда бежал на тренировку по футболу. Я уже почти не помню его лица, но брат был хорошим.

Через полгода, в ноябре, на пустыре насмерть замерз отец.

Только я прижилась здесь, как сорняк, и, чтобы не замечать паутину в углах, пожелтевшие столетние обои, облезшую краску на подоконнике, нищету и беспросветность, витаю в воображаемых мирах.

Все уходит и бросают меня. Даже Ви. Если я поддамся этой боли, меня разорвет. Выпятив вечно обку-